

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

СТАЛКЕР

1. ДОМ СТАЛКЕРА

Грязная захламленная квартира. Ночь, за окном тьма. Сталкер выбирается из-под одеяла, тихонько поднимается с кровати. Берет в охапку одежду и на цыпочках выходит в ванную. Одевается, затем становится на колени перед ванной и начинает молиться вполголоса.

С_т_а_л_к_е_р. Пусть будет, как всегда было. Пусть ничего не изменится. Пусть все останутся живы, пусть всем будет хорошо. А если для всех это невозможно, пусть я сумею быть жестоким с добрыми и пусть я сумею быть добрым с жестокими, а главное -- пусть будет как всегда, пусть стена останется стеной, тупик останется тупиком, а дорога останется дорогой, и пусть никто не останется обделенным. Пусть каждый получит свое, я не так уж много прошу...

Он замолкает и резко оборачивается. В дверях стоит его жена, заспанная, в поношенной ночной рубашке.

Ж_е_н_а. Что же ты делаешь? Где твое слово?

Он встает и стоит перед нею, виновато опустив голову.

Ж_е_н_а. Ты же мне слово дал, ведь я тебе поверила...

Он молчит. Нелепо пожимает плечом, криво и жалко улыбается.

Ж_е_н_а. Ну, хорошо, ты не хочешь думать о себе... Но ты о нас подумай! О дочке своей подумай, она же тебя не узнала, когда ты из тюрьмы вышел... она еще к тебе привыкнуть не успела, а ты опять уходишь! Обо мне -- ты обо мне подумай, ведь я старуха в мои годы, ты меня доконал! Ведь я не могу больше тебя ждать, я умру! Ну зачем тебе сейчас идти? Пособие выдали, деньги есть, я устроюсь в магазин... Ну отдохни, ну побудь дома! Ты же обещал.

С_т_а_л_к_е_р. Как же -- есть деньги... Нет денег...

Ж_е_н_а. А пособие?

С_т_а_л_к_е_р. Я его... Я его потерял.

Ж_е_н_а. Врешь!

С_т_а_л_к_е_р. Ну послушай, ну не надо так... Ну все будет хорошо! Я знаю! Я уверен!

Ж_е_н_а. Ты же обещал!

С_т_а_л_к_е_р. Ну обещал, ну соврал... Мне такое дело предлагают, что нельзя отказываться... И люди такие хорошие, приличные... им нужно...

Ж_е_н_а. Тебе люди важнее, чем жена с дочерью? Ты подумай, что с нами будет, если ты не вернешься!

С_т_а_л_к_е_р. Да вернусь я, вернусь, честное слово!

Ж_е_н_а. В тюрьму ты вернешься! Там еще твое место не остыло, а ты уже вернешься, и дадут тебе не два года, а пять лет... И пять лет у тебя ничего не будет! Ты подумай об этом: ничего! А я эти пять лет не выдержу...

С_т_а_л_к_е_р_ (с надрывом). Ну не могу я! Не могу я здесь! Ну зачем все эти разговоры, ты же знаешь, что я не могу! Смерти я не боюсь, да и не верю я в смерть, не для того я на свет родился... И тюрьмой меня не испугаешь, потому что мне везде тюрьма... Ты тоже меня в тюрьме держишь разговорами этими... Ну я прошу тебя, это же всего одни сутки, завтра утром я вернусь, и снова все будет хорошо...

Ж_е_н_а. Не верю, не верю! Ни во что не верю! Клялся, обещал! Что мне делать? Что мне делать? Не пушу!

Она опускается на порог, падает лицом вниз, колотит кулаками по полу.

Ж_е_н_а. Не пушу! Не пушу!

А он бочком, бочком, осторожно подбирается к порогу, переступает через лежащую женщину и устремляется к выходу. Женщина все повторяет бессильно: "Не пушу!", и где-то в комнате сначала тихо, а затем все громче плачет ребенок.

Сталкер открывает дверь и выскакивает на лестничную площадку.

Грязноватый пролет тускло освещен лампочкой без плафона, и Сталкер сбегает по лестнице.

2. ПИСАТЕЛЬ

Подъезд. Сталкер сбегает с лестницы и останавливается в дверях.

У подъезда стоит роскошный "кадиллак". Дверцы раскрыты, рядом стоят Писатель и его приятельница. Писатель в длинном черном плаще и без шляпы, разглагольствует, делая широкие движения рукой с рюмкой. Приятельница внимает, опираясь на дверцу автомобиля. В одной руке у нее бутылка, в другой -- рюмка.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Дорогая моя! Мир непроходимо скучен, и поэтому нет ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок.

П_р_и_я_т_е_л_ь_н_и_ц_а. Но я читала меморандум Кемпбелла...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Кемпбелл -- романтик. Рара авис ин террис. Таких больше нет. Мир управляется железными законами, и это невыносимо скучно. Серая чугунная скука железных законов... Они не нарушаются. Они не умеют нарушаться. Не надейтесь на летающие тарелки -- это было бы слишком интересно...

П_р_и_я_т_е_л_ь_н_и_ц_а. А как же Бермудский треугольник?.. Вы же не станете спорить...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Я стану спорить. Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а бэ це, который равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим. Вы чувствуете, какая чугунная скука заключается в этом утверждении?.. Вот в средние века было интересно. В каждом порядочном доме жил домовый, в каждой церкви -- бог... Люди были восхитительно невежественны! Как дети... И они были молоды! А сейчас каждый четвертый -- старик. И все поголовно грамотные...

П_р_и_я_т_е_л_ь_н_и_ц_а. Но вы же не будете отрицать, что Зона... порождение сверхцивилизации, которая...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Да не имеет Зона никакого отношения к сверхцивилизации! Просто появился еще один какой-то паршивый скучный закон, которого мы раньше не знали... А хотя бы и сверхцивилизация... Тоже, наверное, скука... Тоже чугунные законы, треугольники, и никаких тебе домовых и, уж конечно, никакого бога... Потому что если бог -- это тоже треугольник, то я просто не знаю...

Сталкер выходит из парадного и кладет руку Писателю на плечо. Писатель оборачивается.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ага. Это за мной. Пардон... (Забирает у приятельницы бутылку.) Прощайте, моя конфеточка...

С_т_а_л_к_е_р. Пойдемте.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Одну минуту. Вот эта дама любезно согласилась следовать за мною в Зону. Она -- мужественная женщина, хотя и глуповата. Ее зовут... э-э... Простите, как вас зовут?

Приятельница немедленно загорается интересом.

П_р_и_я_т_е_л_ь_н_и_ц_а. В Зону? Вы -- сталкер?

Сталкер принужденно улыбается.

С_т_а_л_к_е_р. Ну какой я сталкер? (Писателю.) Вы все шутите. А нас тем временем уже ждут. Извините нас, мадам, нас ждут.

Он крепко берет Писателя за локоть и увлекает его по улице.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (оборачиваясь). Прощайте, моя бабочка! Моя, в каком-то смысле, стрекозочка! (Сталкеру.) Послушайте, вы не знаете, кто она такая?

С_т_а_л_к_е_р. Вы все-таки напились.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Я? Ни в какой степени.

Сталкер увлекает его по улице.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Я просто выпил, как это делает половина народонаселения. Другая половина -- да! -- напивается. Женщины и дети включительно. А я просто выпил...

3. КАФЕ

Грязное темное помещение ночного кафе. За стойкой маячит сонный бармен. В сторонке у столика стоит Профессор.

Сталкер и Писатель входят.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну что ж, по стаканчику на дорогу? Как вы считаете? (Смотрит на Сталкера.)

С_т_а_л_к_е_р. Нет. Не надо.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Понятно. Сухой закон. Алкоголизм -- это бич народов. Что ж, будем пить пиво.

Они подходят к Профессору, и тот спрашивает Сталкера.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Это что? С нами?

С_т_а_л_к_е_р. Да. Ему тоже надо туда. Ничего, Профессор. Не беспокойтесь. Он протрезвеет.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Вы действительно профессор?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Если угодно.

П_и_с_а_т_е_л_ь. В таком случае разрешите представиться. Меня зовут...

С_т_а_л_к_е_р. Вас зовут Писатель.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. А как зовут меня?

С_т_а_л_к_е_р. Вас? Вас зовут Профессор.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ага. Понятно. Я -- писатель, и меня все почему-то зовут Писатель...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Известный писатель?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Нет. Модный.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. И о чем же вы пишете?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Да как вам сказать... В основном о читателях. Ни о чем другом они читать не хотят.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. По-моему, они правы. Ни о чем другом и писать, наверное, не стоит...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Писать вообще не стоит. Ни о чем. А вы что -- химик?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Скорее физик.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Тоже, наверное, скука. Поиски истины. Она прячется, а вы ее повсюду ищете. В одном месте копнули -- ага, ядро состоит из протонов. В другом месте копнули -- красота, треугольник а бэ це равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим... Вы неплохо устроились. Мне хуже. Я эту самую истину выкапываю, а в это время с нею что-то такое делается... Выкапывал я истину, а выкопал кучу дерьма. Возьмите вы какой-нибудь закон Архимеда. Он с самого начала был правильным, и сейчас он правильный, и всегда будет правильный. А вот стоит в музее античный горшок. В свое время в него объедки кидали, а сейчас он стоит в музее и вызывает всеобщее восхищение лаконичностью рисунка и неповторимостью форм... Все ахают и охают, и вдруг выясняется, что никакой он не античный, а подсунул его археологам какой-нибудь жулик или шутник. И форма у него осталась неповторимой, и рисунок лаконичный, но аханье, как ни странно, стихает...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Вы не правы. Вы говорите о профанах и снобах...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ничего подобного. Я говорю о горшках. Я сам двадцать лет леплю такие горшки. И поскольку я -- писатель модный, они восхищают книголюбов лаконичностью рисунка и неповторимостью формы. А через двадцать лет придет мальчик и заорет во все горло про голого короля!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Господи. И вы об этом все время думаете?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Первый раз в жизни. Я вообще редко думаю. Мне это вредно.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Наверное, невозможно писать и при этом все время думать, как ваш роман будет читаться через сто лет.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Натюрлих! Но с другой стороны, если через сто лет его не станут читать, то на кой хрен его сегодня писать?

С_т_а_л_к_е_р. А деньги? А слава?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Деньги! Слава! Слушайте, давайте поговорим о чем-нибудь приятном! Кстати, Профессор, ради чего вы впутались в эту историю? Чего вам понадобилось в Зоне?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р_ (несколько ошарашенно). Н-ну... Что может физику понадобиться в Зоне? А вот что может в Зоне понадобиться Писателю -- это интереснее. Деньги у вас, как я понимаю, есть. Слава -- тоже.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Женщины гроздьями. Вилла.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Вот именно. Чего же вам еще не хватает?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Вдохновенья, Профессор! Куда-то запропастилось мое вдохновение. Хочу попробовать вернуть.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. А может, оно бы само вернулось?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Не думаю. Не похоже.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. То есть, вы исписались...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Что?

Некоторое время он молчит, затем говорит брюзгливо.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ведь предлагали же вам поговорить о чем-нибудь приятном...

Сталкер смотрит на часы.

С_т_а_л_к_е_р. Простите. Пора.

4. ЗАСТАВА

Они выходят из кафе. За углом застыл у обочины большой черный автомобиль. Профессор открывает дверцы. На водительское место забирается Сталкер, а Профессор с Писателем усаживаются на заднее сиденье. Сталкер оборачивается, протягивает руку.

С_т_а_л_к_е_р. Ключ, пожалуйста.

Профессор молча кладет ему на ладонь ключ от зажигания. Сталкер заводит мотор, и машина стремглав уносится по темным предутренним улицам.

Они мчатся молча. Писатель дремлет, откинувшись головой в угол, холодно блестят очки Профессора, согнулся над рулем Сталкер, пожевывая потухшую сигарету. Мелькают за окнами машины редкие огни в окнах, мокрые кусты, мокрые решетчатые изгороди...

Машина притормаживает. Поперек широкой пустынной улицы -- транспаранты со светящимися надписями на трех языках: "Стоп! Проезда нет! Только по специальным пропускам". И ниже: "До въезда в Зону -- 300 м".

Сталкер сворачивает машину в узкий, заросший травой проулок, затормаживает. Открывает дверцу, выходит и, прокравшись до поворота, выглядывает.

Перед ним -- застава войск ООН, охраняющих въезд в Зону. Бетонные стены, узкие, как амбразуры, окна. Прожектора на крышах. Прожектора и пулеметы на башнях. Броневики с мокрыми от дождя клепаными бортами. Часовые в мокрых от дождя металлических касках. Шоссе упирается в наглухо закрытые ворота. Далее в темноте блестят под дождем мокрые рельсы. Железнодорожная ветка упирается в наглухо закрытые ворота.

Сталкер некоторое время внимательно разглядывает заставу и ее окрестности, затем возвращается к машине. Осторожно выводит ее из переулка, пересекает шоссе и спускается в пространство между шоссе и железной дорогой, а там, дав задний ход, прячет ее в заросли мокрого кустарника. Выключает мотор и откидывается на спинку сиденья.

5. В МАШИНЕ У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

В кустарнике у железнодорожного полотна прячется машина. За рулем, сторбившись, сидит Сталкер. На заднем сиденье расположились Профессор и Писатель. Писатель спит, уткнувшись головой в угол. Тишина.

Сталкер оборачивается к Профессору.

С_т_а_л_к_е_р_ (вполголоса). Канистру вы не забыли?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Полная. В багажнике.

С_т_а_л_к_е_р. А фонарик?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Не забыл.

Писатель просыпается, мутно оглядывается по сторонам.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (зычным голосом). А? Приехали?

С_т_а_л_к_е_р. Тише, пожалуйста.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (шепотом). Понял... Понял... Молчу...

Пауза.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (вполголоса). А чего мы, собственно, ждем?

Никто не отвечает ему. Писатель нервно позевывает, крутится, потом вдруг поворачивается к Профессору.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (тихо). Никакого мне вдохновенья не надо. Я сам не знаю, что мне надо. Откуда я знаю, как назвать то, чего я хочу? И откуда мне знать, что я действительно не хочу того, чего не хочу? Это какие-то неуловимые вещи. Стоит их назвать, и смысл их исчезает, тает, расплывается. Как медуза на солнце. (Пауза.) Положим, я -- убежденный вегетарианец. Сознание мое хочет победы вегетарианства во всем мире. Подсознание мое изнывает по куску сочного мяса. Вопрос: а чего хочу я? Я, сложный сплав сознания и подсознания...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. А вы хотите мирового господства. Конфликты сознания с подсознанием даром не проходят.

С_т_а_л_к_е_р. Чш-ш-ш...

Слышится гул и постукивание приближающегося электровоза.

С_т_а_л_к_е_р_ (хрипло). Держитесь крепче! Упирайтесь. Сейчас!

Электровоз проходит.

С_т_а_л_к_е_р_ (кричит). Пошли!

Он с места рывком бросает машину вперед. Машина выскакивает на железнодорожное полотно и мчится следом за электровозом в распахнувшиеся ворота.

6. ПРОРЫВ

Сразу за воротами Сталкер круто бросает машину с железнодорожного полотна влево, в темноту. Выпучив от ужаса глаза, разинув рот, прыгает на заднем сиденье Писатель, цепляясь то за спинку переднего сиденья, то за колени Профессора, а тот растопырился, уперся руками во все, что возможно, и только ежесекундно поправляет ползающие по лицу очки. Окостенел на водительском месте Сталкер, бешено работает руками, вцепившимися в руль.

А уже суматошно забежали во тьме прожектора, и вот ударила первая пулеметная очередь. Машина стремительно врывается в мертвые, давным-давно оставленные жителями кварталы. Мелькают в бегущем свете прожекторов запыленные стекла окон, стены с обсыпавшейся штукатуркой, повалившиеся заборчики. Теперь уже несколько пулеметов сразу вслепую лупят вслед нарушителям. Пули крошат ветхие стены, вдребезги разносят уцелевшие стекла и ставни, поднимают фонтаны воды в стоячих лужах...

Сталкер круто сворачивает в непроглядную тьму, резко тормозит.

С_т_а_л_к_е_р. Вылезай, живо! Канистру!

Распахиваются дверцы. Сталкер, Профессор и Писатель вываливаются в грязь.

С_т_а_л_к_е_р. Канистру, черт очкастый!

Профессор торопливо бежит на четвереньках к багажнику, распакивает его, выволакивает тяжелую канистру.

Г_о_л_о_с_ _С_т_а_л_к_е_р_а_ (из темноты). Сюда, живее!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Где вы там?

Снова грохочут пулеметы. В темноте под черным небом, в котором пляшут прожекторные лучи, на мгновение загорается фонарик.

С_т_а_л_к_е_р. Сюда! Давайте сюда! За мной ползком. Голов не поднимать. Канистру держите слева. Если кого-нибудь зацепит, не кричите, не метайтесь! Увидят -- убьют. Потом, когда стихнет, ползите назад, к воротам. Утром подберут...

Сталкер ловко ползет на четвереньках, виляя тощим задом. Профессор, волоча канистру, ползет за ним. Пыхтя, ползет Писатель.

Они оказываются в полуразвалившемся сарае. Под его крышей проходят железнодорожные рельсы, а на рельсах красуется крошечная дрезинка с бензиновым моторчиком.

Сталкер, то и дело оглядываясь на треск пулеметных очередей, оскалившись, отвинчивает пробку.

Вдвоем с Профессором они заливают бак, затем Сталкер отбрасывает пустую канистру и принимается заводить мотор.

С_т_а_л_к_е_р. Садитесь. Скорее, пожалуйста!

Профессор и Писатель лезут на узкую платформу и кое-как рассаживаются, держась друг за друга. Мотор некоторое время не заводится. Сталкер рычит от бешенства и нетерпения. Но вот наконец мотор чихает и раздражается залпами выхлопов, от которых мигающая от прожекторов полутьма в сарайчике заполняется клубами дыма.

С_т_а_л_к_е_р. Поехали!

Дрезина трогается с места, проламывает ветхие воротца и мчится в темноту по мокрым рельсам. А позади по-прежнему бегают прожекторные лучи и грохочут пулеметные очереди.

Катится по рельсам в кромешной тьме дрезина, ровно и мощно гудя мотором. Впереди, навалившись на пульт управления, жуя потухшую сигарету, сидит по-турецки Сталкер. Позади Сталкера, прижавшись друг к другу спинами, держась за края узкой платформы, сидят Писатель и Профессор. Профессор придерживает на коленях неуклюжий угловатый рюкзак.

7. В ОЖИДАНИИ РАССВЕТА

Дрезина замедляет ход. Впереди из тумана выдвигается какое-то полуразрушенное станционное здание.

Дрезина останавливается. Сталкер спрыгивает на шпалы.

С_т_а_л_к_е_р. Ну вот мы и дома. Прошу.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ф-фу. Наконец-то...

Он тоже слезает с дрезины, за ним спрыгивает Профессор.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Тихо как...

С_т_а_л_к_е_р. Здесь всегда тихо. Здесь некому шуметь. Это самое тихое место на Земле.

Сталкер очень возбужден, ноздри его раздуваются, глаза блестят.

С_т_а_л_к_е_р. Вы потом увидите. Здесь удивительно красиво... Странно! Цветами почему-то не пахнет... Или я отвык? Вы не чувствуете? Никто?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Болотом воняет -- это я чувствую...

С_т_а_л_к_е_р. Нет-нет, это рекой, здесь река близко... (Показывает в сторону здания.) А вон там был огромный цветник, Дикобраз его засыпал, затоптал, с землей сровнял, но запах оставался много лет... А вот сейчас я его не чувствую...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Зачем?

С_т_а_л_к_е_р. Что -- зачем? Ах, затоптал? Не знаю. Дикобраз был очень странный человек. Я, помню, его тоже спрашивал: зачем? А он мне отвечал: потом сам поймешь. Но я так и не понял. До сих пор не понял... Наверное, он просто ненавидел Зону. Возненавидел ее.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Пардон! А кто это такой -- Дикобраз? Это фамилия такая?

С_т_а_л_к_е_р. Нет, это кличка. Он был сталкер. Самый лучший из всех сталкеров. Двадцать лет он водил людей в Зону, и никто ему не сумел помешать. Он был моим учителем, он мне глаза открыл, и звали его тогда не Дикобраз, звали его тогда Мастер... А потом что-то с ним случилось, сломалось что-то в его характере, а может, и не сломалось, а переродилось. Я думаю, он просто поссорился с Зоной. С этого все началось... Ну, ладно, вы тут посидите, а я пройду, мне тут надо кое-что...

Он уходит в туман.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Куда это его?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Не знаю. Наверное, хочет побыть один.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Зачем? Тут и вдвоем как-то неуютно...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Свидание с Зоной. Он ведь сталкер.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну и что же?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Настоящий сталкер -- это не просто профессия. Это в каком-то смысле призвание.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Всё.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Спасибо. Было очень интересно.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Перестаньте суетиться. Сядьте и посидите спокойно. Здесь не так уж много мест, где можно посидеть спокойно.

Писатель, зябко поеживаясь, садится на край дрезины. Озирается.

П_и_с_а_т_е_л_ь (брюзжит). Удивительно красиво. Туман, и ничего не видно. Ну хорошо, а что там насчет Дикобраза? Что это значит -- поссорился с Зоной? Это фигура речи?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Не знаю. А Дикобраз кончил очень плохо. В один прекрасный день он дико, безобразно разбогател. Закатывал чудовищные кутежи. Завел гарем. Затеял несколько сумасшедших предприятий. А потом вдруг повесился.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Разорился?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Нет. Так и повесился посреди своих миллионов, своего гарема и всего прочего.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Значит, следует понимать, что он таки дошел до терраски...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Наш с вами шеф считает именно так...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Значит, терраска таки действительно исполняет желания...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Дикобраз разбогател.

П_и_с_а_т_е_л_ь. И повесился...

Из тумана появляется Сталкер.

С_т_а_л_к_е_р. А цветы снова цветут! Только не пахнут почему-то... Вы извините, что я вас тут бросил, но сейчас идти пока все равно... туман...

Длинный скрежещающий звук прерывает его. Все, даже Сталкер, вздрагивают.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Господи, что это?

Сталкер молча прислушивается. Лицо у него напряженное и испуганное.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р (нерешительно). А может быть, это все-таки правда, что здесь живут?

С_т_а_л_к_е_р. Кто?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Ну, вы знаете эту легенду... ну, туристы эти, которые стояли здесь в ту ночь, когда возникла Зона...

С_т_а_л_к_е_р. Нет. В Зоне никого нет и быть не может. Если бы здесь можно было жить!..

8. ЗОНА

Тумана больше нет. С высоты насыпи открываются просторы Зоны, озаренные зеленым заревом с востока -- утренней зарей Зоны.

С_т_а_л_к_е_р. Я уже говорил с каждым из вас в отдельности, но сейчас хочу еще раз повторить некоторые вещи. Зона требует выполнения определенных правил. Этих правил очень много, и у меня нет возможности вам их изложить. Поэтому для вас существует только одно правило: беспрекословное выполнение всех моих указаний. Беспрекословное! Иногда

то, что я вам прикажу, покажется очень странным. Очень прошу вас не спорить. Если вы моих приказов выполнять не будете, я ничего не смогу для вас сделать. До терраски мы не дойдем, а может, даже случится беда. Это понятно? Теперь о порядке следования...

П_и_с_а_т_е_л_ь. А там что такое?

В километре от них в утреннем мареве виднеется бело-серое здание с черными провалами окон и входа.

С_т_а_л_к_е_р. А там и есть наша терраска. Нам -- туда.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Так это же рукой подать.

С_т_а_л_к_е_р. Да. Но рука должна быть очень длинная. У вас такой нет. И у меня тоже.

Он достает из кармана горсть гаек.

С_т_а_л_к_е_р. Сейчас начнется очень утомительный участок. Поэтому будьте внимательны и не отвлекайтесь. У нас это называется "провешивание дороги".

И начинается работа. Сталкер бросает гайку, внимательно следит за ее полетом, затем посылает к месту ее падения Писателя. Писатель, дойдя до этого места, останавливается, после чего к нему подтягивается Профессор, а следом за ним и Сталкер. Отсюда Сталкер кидает новую гайку, посылает к ней Профессора, и так далее они движутся на манер зеленой гусеницы под названием "землемер".

9. ТЕРРАСКА, ВИД С ФАСАДА

Они стоят у растрескавшейся бетонной плиты шагах в пятидесяти от угрюмого бело-серого здания с ободранными стенами, и отчетливо виден ведущий в черноту широкий, как ворота, прямоугольный вход, и обвалившиеся цементные ступени, ведущие к нему, и -- на высоте человеческого роста, там, где кончается верхняя ступенька, -- площадка, заросшая разноцветными мхами: терраска, заколдованное место, где исполняются желания. Всего в пятидесяти шагах. Может быть, даже меньше.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р_ (вполголоса). Это она?

С_т_а_л_к_е_р. Да. Близко, правда? Камешек можно добросить, верно?

Профессор, не спускающий с терраски взгляд, с недоумением поворачивается

к Сталкеру. Он же видит, что до терраски рукой подать, ему кажется, что он уже пришел, он уже начинает стягивать со спины рюкзак, но что-то в интонации Сталкера его настораживает.

С_т_а_л_к_е_р. Я всегда тут останавливаюсь. Это очень поучительно. Смотрите: оттуда (он показывает за спину) сюда попасть можно. Например, тем путем, которым мы шли. Но вот оттуда (он показывает на терраску) сюда вы не попадете. Никто никогда на обратном пути сюда не возвращался. Это как время -- оно всегда течет в одну сторону: оттуда сюда. (Показывает руками.) Теперь слушайте дальше. Расстояние здесь кажется метров пятьдесят, но прямо пройти невозможно, надо идти далеко в обход. А прямо идет дорога чистых душ. Так ее называют сталкеры. А поскольку чистых душ в мире немного, то никто еще пока этой дорогой не проходил...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. То есть, вы хотите сказать, что физическое расстояние отсюда до терраски больше пятидесяти метров?

С_т_а_л_к_е_р. Ну да! Много часов обходного пути!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Нет, я не об этом... Я говорю о физическом расстоянии. Если я брошу сейчас камешек, долетит он до терраски?

С_т_а_л_к_е_р. Нет, что вы! Здесь ничего нельзя бросать! Здесь можно только смотреть.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р (нетерпеливо). Подождите. Я говорю о мысленном эксперименте. Долетит отсюда камень до этих вот ступенек?

С_т_а_л_к_е_р. Вы не понимаете. Долетит отсюда камень в завтрашний день?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Вы хотите сказать, что здесь нет пространства?

С_т_а_л_к_е_р (пожимает плечами). Откуда я знаю? Я знаю, что это -- дорога чистых душ. Я знаю, что здесь ничего нельзя бросать... Я знаю, что нам с вами здесь не пройти. Физика здесь ни при чем. И геометрия здесь ни при чем... Здесь чудо!

Профессор, не говоря ни слова, снова взваливает на себя рюкзак и угрюмо застегивает карабин.

П_и_с_а_т_е_л_ь. А откуда вы все это знаете? Кто-нибудь пробовал?

С_т_а_л_к_е_р. Пробовали.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну и что?

С_т_а_л_к_е_р. Ну и шли обходной дорогой. Как мы сейчас пойдем.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Много часов?

С_т_а_л_к_е_р. Много часов. И путь трудный.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну вот что. Я бы предложил идти прямо.

С_т_а_л_к_е_р. Это дорога чистых душ.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну, у меня душа не грязнее, чем у прочих.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р_ (ожесточенно). Не валяйте дурака.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Погодите, Профессор... Послушайте, Мастер, башку мне там не оторвет?

С_т_а_л_к_е_р. Это дорога чистых душ.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну?

С_т_а_л_к_е_р. Чистые души не задают таких вопросов.

П_и_с_а_т_е_л_ь. А, ч-черт, с вашими иносказаниями! Ну бросьте вашу гаечку, я посмотрю, что там.

С_т_а_л_к_е_р. Туда ничего нельзя бросать...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Перестаньте валять дурака!

П_и_с_а_т_е_л_ь. Это вы перестаньте валять дурака! Пятьдесят шагов пройти -- и мы на месте! Травка, солнышко, все видно! Вы что, не понимаете, что он цену набивает? (Сталкеру.) Ну признайтесь, шеф, я же угадал!

С_т_а_л_к_е_р. Нет. Не угадали.

Писатель нерешительно мерит взглядом расстояние до терраски, а затем быстро делает несколько шагов вниз по склону. Профессор пытается схватить его за руку, но Сталкер его останавливает.

С_т_а_л_к_е_р. Пусть. Это очень поучительно. Я видел это только один раз.

Писатель почти бегом идет по склону к терраске, потом шаги его замедляются, ноги начинают заплетаться, он хватается обеими руками за голову, описывает замысловатую кривую и, шатаясь, как пьяный, возвращается обратно и садится на обломок бетона. Профессор встревоженно наклоняется над ним.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Что с вами? Целы?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Цел? Не думаю. Я весь изранен. Обругает какая-нибудь сволочь -- рана. Другая сволочь похвалит -- еще рана. Вы ведь хотите только одного -- жрать! И вам все равно, что жрать. Ведь вы же все поголовно грамотные, и у каждого сенсорное голодание. Душу вложишь, сердце свое вложишь -- жрете и душу, и сердце. Мерзость душевную вам вывалишь -- жрете мерзость. И все клубитесь, клубитесь вокруг -- журналисты, редакторы, критики, бабы какие-то непрерывные... и все требуют: давай, давай!..

П_р_о_ф_е_с_с_о_р_ (ошеломленно). Послушайте, Писатель...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Да какой я, к черту, писатель! Я же ненавижу писать! Это же для меня мука, болезненное, постыдное занятие, что-то вроде выдавливания фурункула... Я ведь раньше думал, что вы становитесь лучше, я пишу, а вы становитесь от этого лучше. Но ведь я никому не нужен, у меня только одна вилла за душой. С финской баней. Я сдохну, и через два

дня вы меня забудете и начнете жрать кого-нибудь другого. Я пытался переделать вас, а переделали-то вы меня -- по своему образу и подобию...

Он замолкает и роняет голову на руки. Сталкер, с жадностью слушавший его, переводит дух и успокоительно кивает Профессору.

С_т_а_л_к_е_р. Ничего, не беспокойтесь, уже все. Сейчас мы пойдем в обход.

10. В ТУМАНЕ

Профессор, Писатель и Сталкер по колению в воде бредут по подземному тоннелю. Клубы тумана, озаренные серыми отсветами недалекого выхода, ползут над водой. Профессор и Писатель страшно утомлены, они спотыкаются и то и дело падают.

С_т_а_л_к_е_р. Ну, еще немного... еще чуть-чуть, выход уже виден... Сейчас все кончится...

Они выбираются из прямоугольной ямы на "Опасную площадку". Сталкер озабоченно озирается.

С_т_а_л_к_е_р. Ну, кажется, все в порядке... Рукомойник, гайка... Можно передохнуть немного...

Профессор стягивает с плеч рюкзак и устало усаживается на него. Писатель со стоном облегчения валится рядом. Один Сталкер остается стоять. Он озирается, задрал голову, словно бы прихихиваясь. Над "Опасной площадкой" сгущается туман.

С_т_а_л_к_е_р. Туман... Ах, как неудачно! Ну ничего... Вы посидите, отдохните, я тут схожу... А вы сидите на месте, особенно не вздумайте подходить к той двери... (показывает на дверной проем, в котором раскачивается на шнурке гайка).

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (вяло). А что там такое?

С_т_а_л_к_е_р. Туда нельзя. Видите, здесь Дикобраз специально повесил гайку... Туда нельзя.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (ложится на спину, закинув руки за голову). Ну, нельзя -- и слава богу...

Сталкер уходит.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Что он нас все пугает? Станный какой-то человечек... По-моему, он похож на паука. Он смотрит и слушает, как будто тебя высасывает. И пугает, пугает, пугает... Мы тут целый день уже ползаем на карачках, и ничего опасного, кроме вонючей вони, я не видел...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Во-первых, не целый день, а всего-навсего два часа... А во-вторых, благодарите бога, что вы ничего не видели. Здесь всё есть, на все вкусы: и электрические разряды, и жаровни, когда воздух вокруг ни с того ни с сего раскаляется, как в домне... Пугает! Вам что -- так уж понравилось на дороге чистых душ?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Нет. Совсем не понравилось. Но это другое дело...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Я же говорю: здесь есть всё, на все вкусы. Кому что нравится.

Из тумана раздается голос Сталкера.

С_т_а_л_к_е_р. Эй, Профессор! Писатель! Идите-ка сюда!..

П_и_с_а_т_е_л_ь. О господи! Опять будет лекцию читать про свою Зону...

Они поднимаются и нерешительно идут в туман.

С_т_а_л_к_е_р. Сюда, сюда! Я здесь! Писатель, давайте руку... Понимаете, положение немножко осложнилось... Обычно я иду этой дорогой, но сейчас, во-первых, туман, а во-вторых, видите, вода... Обычно этого нет, обычно здесь радуга... две, три, четыре радуги... Ослепительное зрелище... Пройдемте-ка дальше... Осторожно, держитесь друг за друга! Здесь под ногами консервные банки, это обычное место привала... Вон там наверху очень забавные надписи... Кто-то когда-то оставил, не знаю, давно... Теперь сюда... Здесь должна быть моя палка... Ага, вот она!

П_и_с_а_т_е_л_ь. Какая-нибудь знаменитая палка?

С_т_а_л_к_е_р. Нет, обычная палка. Можете убедиться.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Спасибо, я верю...

С_т_а_л_к_е_р. Профессор, вы держитесь за Писателя? Возьмите его за полу, так удобнее... А вы держитесь за меня, да покрепче, не стесняйтесь... На самом деле нам очень повезло: если бы мы в таком тумане вышли на "Опасную площадку", то могли бы угодить прямо под гайку, такие случаи бывали...

Все это время они движутся через волны густого тумана. Сталкер, не переставая говорить, ощупывает перед собой землю палкой и все время поводит головой справа налево, как бы прислушиваясь и принюхиваясь. Шум воды становится все мощнее.

С_т_а_л_к_е_р_ (удовлетворенно). Очень удачно мы проскочили. Я так и знал, что водопад усилится... Сейчас будет Сухой тоннель, и туман нам больше не страшен...

И тут Профессор вдруг останавливается.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Подождите! Мы что -- уже идем?

С_т_а_л_к_е_р. Да, конечно... А что случилось?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Позвольте! Я же понял, что вы хотите нам что-то сказать! А как же мой рюкзак?

С_т_а_л_к_е_р. А что случилось с рюкзаком?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. То есть как что случилось? Я же не знал! Я его снял! Я его там оставил!

Писатель киснет от смеха.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Перестаньте ржать, идиот! Надо вернуться!

С_т_а_л_к_е_р. Куда вернуться? Там же теперь вода, вы же видели...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Какая вода? Мне нужен мой рюкзак!

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (задыхаясь от смеха). Ему нужно срочно сменить подштанники!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Молчите, идиот! (Его трясет.) Слушайте, мне надо обязательно вернуться за рюкзаком!

С_т_а_л_к_е_р_ (растерянно). Но это же невозможно! Там водопад, он вырос и продолжает расти... И я не знаю, сколько времени он будет расти...

Профессор со всхлипом опускается на землю. Писатель наконец понимает, что смешного здесь -- чуть.

П_и_с_а_т_е_л_ь_. Господи, да что у вас там такое было? Золото, брильянты?

С_т_а_л_к_е_р. Успокойтесь, Профессор, вы же идете на терраску! Она вам все вернет!

Вместо ответа Профессор разражается истерическим хохотом.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Да, это было бы ловко! Это была бы штука! Ну надо же, ну надо же! Значит, не судьба? Значит, они правы, а я нет? Слушайте, туда точно нельзя вернуться?

С_т_а_л_к_е_р. Мы отрезаны водопадом, нас просто смоем...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Ну и плевать. Значит, так и должно было случиться. (Вскакивает.) Пошли. Пошли, нечего тут сидеть. Куда вы там хотели идти? В тоннель? Прекрасно! Где он, ваш тоннель? Голубчик, теперь уж позвольте, я пойду впереди. Теперь я больше ни на что не годен. Теперь уже все равно!..

С_т_а_л_к_е_р_ (внимательно поглядев на него). Успокойтесь, Профессор. Возьмитесь за полу Писателя и держитесь крепче... В тоннеле я опять пущу вас первым.

И они идут дальше. Сталкер молчит. Испуганно молчит Писатель. Только Профессор время от времени раздражается судорожным хохотом и, мотая головой, приговаривает: "Ну и ну! Ай да я!"

Потом впереди в тумане возникает темное пятно, и они вступают по колено в бегучую воду под гулкие своды нового тоннеля. Туман здесь гораздо реже, в сероватом свете поблескивают бетонные стены, по которым струится влага. Они бредут по воде, и несколько оправившийся Писатель бормочет: "Ничего себе -- сухой тоннель!", Сталкер отвечает ему: "Это шутка. Обычно здесь по пояс, даже выше".

Профессор, который идет впереди, вдруг останавливается.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Там свет...

С_т_а_л_к_е_р. Свет? Это выход... Подождите, пропустите меня вперед!

Они осторожно приближаются к выходу, выбирают из тоннеля и останавливаются в ошеломенности.

Они снова на "Опасной площадке", и стоит, покосившись, рюкзак Профессора. Сначала они не понимают, куда попали.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Смотрите-ка, рюкзак!

С_т_а_л_к_е_р. Подождите, как же так? Рукомойник... Гайка... Это же "Опасная площадка"! (Торжественно.) Мы прошли под гайкой! Она вернула нас и пропустила под гайкой!

Профессор на негнувшихся ногах подходит к рюкзаку, ощупывает его, затем садится и кладет себе на колени, держа обеими руками.

11. ОТДЫХ ПОСЛЕ ТУМАНА

Сталкер, Писатель и Профессор расположились на отдых. По-прежнему туман.

С_т_а_л_к_е_р. Вы представить себе не можете, как все это получилось хорошо. Вы ей понравились, теперь я это знаю. Наверное, вы -- хорошие люди. Я ведь никогда не знаю заранее, угадал я или нет. Тех ли я людей выбрал. Наверное, это вообще нельзя угадать, и все выясняется только здесь, когда уже поздно. У меня иногда руки опускаются из-за своего бессилия, от своего неумения разобраться в человеке... Но Зона не ошибается. Никогда. Смотрите, как мягко она с вами обошлась. Пропустила через водопад. Повернула -- осторожно повернула! -- не ушибла, не испугала, просто вывела нас обратно, и где вывела? -- под гайкой, откуда вообще никогда никто не возвращался... а мы невредимы...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Мы-то ладно! Главное -- подштанники профессорские целы остались...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Послушайте, заткнитесь. Не суйте вы свой нос в дела, в которых вы ничего не понимаете.

П_и_с_а_т_е_л_ь. А чего здесь такого понимать? Подумаешь -- психологические бездны... В институте мы на плохом счету, средств на экспедицию нам не дадут, набьем-ка мы наш рюкзак всякими там манометрами-дерьмометрами, проникнем в Зону нелегально и все здешние чудеса проверим алгеброй... Никто в мире ничего про Зону не знает, а тут выходит наш Профессор весь в белом и объявляет: мене, текел, фарес... И все рты раскрывают и хором кричат: "Нобелевку ему! Две!"

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Писателишка вы задрипанный, трепло бездарное... Вам бы стены в сортирах расписывать, психолог доморощенный...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Вяло. Вя-ло! Не умеете. Не знаете вы, как это делается. А потом, психология -- это не моя сфера. Мое дело -- улавливать социальные тенденции повышенным чутьем художника. Вы, ученые, эти тенденции создаете. Не спорю. Но сами вы в них ничего не понимаете.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Чего же это мы, например, не понимаем?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Главного не понимаете. Это раньше будущее было только повторением настоящего. Великие перемены маячили где-то за далекими горизонтами. А теперь вашими трудами нет уже никакого будущего. Оно слилось с настоящим. Завтрашний день здесь, рядом, он держит нас за горло, а вы этого не понимаете...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Ну, хорошо. Я иду за нобелевкой. А вы зачем? Хотите подарить человечеству сокровища своего покупного вдохновенья?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Кашлял я на человечество. Во всем вашем человечестве меня интересует только один человек -- вот этот. (Тычет себя в грудь пальцем.) А в этом человеке меня интересует только одно: стоит он чего-нибудь или он такое же дерьмо, как и все прочие.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Ну и что будет, если узнаете вы, что дерьмо?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Знаете что, господин Эйнштейн? Занимайтесь своей наукой, занимайтесь своим человечеством. Но только человечеством минус я. И вообще я не желаю с вами спорить. В спорах рождается истина, будь она проклята. (Он поворачивается к Сталкеру.) Вот, кстати, шеф, вы ведь приводили сюда множество людей...

С_т_а_л_к_е_р. Не так их было много, как мне бы хотелось...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну, все равно, не в этом дело... Зачем они шли сюда? Чего они хотели?

С_т_а_л_к_е_р. Счастья...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Это-то понятно, за несчастьем никто не пойдет... Но конкретно, какого именно счастья?

С_т_а_л_к_е_р. Я не могу об этом говорить. По-моему, это было бы нехорошо, если бы я рассказывал о том, что я знаю... Это ведь не касается ни вас, ни меня... Да и знаю я очень мало. Люди не любят говорить о сокровенном...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Да, пожалуй, вы правы... Я глупость спросил. Но что же это получается? Значит, вы на своем веку повидали множество счастливых людей... Я вот, например, не видал за всю свою жизнь ни одного...

С_т_а_л_к_е_р. А я тоже. Они возвращаются с терраски, я веду их назад, и больше мы никогда не встречаемся... Ведь желания исполняются не мгновенно... Наверное, дни проходят, прежде чем каждый получит свое...

П_и_с_а_т_е_л_ь. А сами вы... никогда?

С_т_а_л_к_е_р. А я и так счастлив. Больше мне ничего не надо.

Все молчат.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Нет, все это как-то непонятно. Есть во всем этом какое-то недоразумение... Желания, счастье... Ну, предположим, вступлю я на эту терраску и вернусь завтра на свою виллу самым гениальным писателем нашего времени. Я же знаю, чем это кончится. Все, что я с этого момента напишу, будет казаться мне особенно скверным и ни к черту не годным. Критики примутся рвать меня в клочки, как это они всегда делали со всеми гениями. А то, что я гений, выяснится лет через сто. Ничего себе счастье! Значит, нельзя желать гениальности? А ради чего еще идти на терраску? Как вы считаете, Профессор?

Никто ему не отвечает.

12. ПРОБУЖДЕНИЕ

Сталкер открывает глаза. Некоторое время лежит, прислушиваясь. Тумана как не бывало. Сталкер бесшумно поднимается, мягко ступая, подходит к спящим спутникам и останавливается над ними. Какое-то время он внимательно разглядывает их по очереди. Лицо у него сосредоточенное, взгляд оценивающий.

Он явно выбирает одного из двоих и явно не знает, на ком остановить выбор. На лице его появляется выражение растерянности. И тогда он начинает молиться, как давеча в ванной. Губы его шевелятся, но слов почти не слышно. Можно расслышать только: "...Сумею быть жестоким с добрыми... пусть я не ошибусь, пусть я выберу правильно..."

Затем он проводит по лицу ладонью и, наклонившись над спящими, говорит негромко: "Вставайте, пора"...

13. ИСПЫТАНИЕ

Профессор, за ним Писатель и Сталкер выбирают, изогнувшись, из трубы и останавливаются у края узкого прямого рва, выложенного бетоном. Перед ними обширный мрачный зал -- бетонные плиты пола, бетонные стены, обшарпанные бетонные колонны.

С_т_а_л_к_е_р. Дальше нам предстоит пройти через этот зал. Но здесь я не могу приказывать. Первым должен пойти доброволец. Поэтому, пожалуйста, решите сами, кто из вас пойдет.

П_и_с_а_т_е_л_ь (раздраженно). Что это за военные игры? Вот вы сами и идите. В конце концов, вам за это деньги платят...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Перестаньте!

П_и_с_а_т_е_л_ь. Почему -- перестаньте? Плевать я хотел на эти психологические этюды! Почему это мы с вами должны определять смертника? Сам я идти не хочу, но и вас посылать не намерен!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Да перестаньте вы. Я пойду.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Нет, вы не пойдете! Я не нуждаюсь в благотворительности! Пусть он идет!

С_т_а_л_к_е_р. Я не могу идти. Это бессмысленно. И бесполезно.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ах, бесполезно? Откуда вы знаете? Черт бы побрал ваше надутое смиренное всезнание! (Профессору.) Вы посмотрите на него! Ему же удовольствие доставляет -- ставить нас в идиотское положение!

С_т_а_л_к_е_р (терпеливо). Поймите: если со мной что-нибудь случится, то вы здесь погибнете оба. Поэтому мне идти бесполезно.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Да давайте я пойду, что вы все спорите?

П_и_с_а_т_е_л_ь. А вы перестаньте строить из себя героя! Он, видите ли, пойдет, а мне всю жизнь сидеть в дерьме от срама... Тогда извольте жребий! Пусть жребий решит!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Да не надо никакого жребия. Со мной ничего не случится, я уверен...

П_и_с_а_т_е_л_ь. В чем вы уверены?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Я уверен, что я пройду через этот зал и со мной ничего не случится. Все дело вот в этом моем горбу... (Он хлопает ладонью по рюкзаку.) Зона совершенно явно хочет, чтобы я донес его до самой терраски. А значит -- со мной ничего не случится.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Господи, ну и логика! Вы что -- свихнулись?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Нисколько. Логика, конечно, странная. Но ведь мы имеем дело с чудом... Само чудо вне логики, но внутри чуда есть логика, хотя и своя... Давайте будем логичны, Писатель!

Писатель открывает и закрывает рот, а Профессор перешагивает через ров и неторопливо движется по залу. Шаг, второй, третий... и вдруг пронзительный крик: "Стой!"

Профессор застывает на месте. Сталкер смотрит на Писателя, Писатель смотрит на Сталкера.

С_т_а_л_к_е_р. Зачем вы это сделали?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Я?

С_т_а_л_к_е_р. Здесь нельзя кричать.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Я не кричал!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Мне вернуться?

С_т_а_л_к_е_р_ (помолчав). Да, возвращайтесь. Все ясно.

Профессор возвращается.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Что случилось? Зачем вы меня остановили?

С_т_а_л_к_е_р. Это не я вас остановил.

Профессор поворачивается к Писателю. Тот молча мотает головой. Затем вдруг ухмыляется и грозит Профессору пальцем.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ай да химик! Сам себе крикнул, сам себя остановил и вернулся героем...

С_т_а_л_к_е_р. Так. Здесь нам делать больше нечего. Идите за мной.

Они идут за ним некоторое время молча, затем Профессор говорит Писателю вполголоса: "Вы очень хорошо все объяснили, но вы знаете, я ведь не кричал..."

14. КОРИДОРЧИК

Они стоят перед прямоугольным жерлом коридора, черного, закопченного, и под ногами у них черная обугленная земля.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Это что же -- туда идти?

С_т_а_л_к_е_р. Да, к сожалению. Другого пути нет.

Он очень напряжен и несчастен.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Как-то там... тускло, а, Профессор?

Профессор подавленно молчит.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну, что, может, и здесь добровольцы найдутся?
Профессор, вы там что-то говорили насчет логики чуда...

С_т_а_л_к_е_р. Не надо. Будете тащить жребий. Вы ведь предлагали тащить жребий?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Здесь я бы предпочел какого-нибудь добровольца.

Сталкер достает спички, отвернувшись, что-то делает с ними, потом выставляет зажатые между пальцами две спичечные головки.

С_т_а_л_к_е_р. Пойдет длинная. Тащите, Писатель.

Писатель вытаскивает спичку.

С_т_а_л_к_е_р. Длинная. Сожалею.

Он отбрасывает оставшуюся спичку далеко в кучу мусора. Писатель несколько секунд смотрит на него, затем поворачивается к входу в коридор. Вглядывается, гоняя свою спичку из одного угла рта в другой.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Вы бы хоть гайку туда бросили, проверили бы...

С_т_а_л_к_е_р. Да, конечно. Пожалуйста.

Он торопливо вытаскивает гайку, швыряет ее в черное жерло. Слышно, как она прыгает там по цементному полу.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну?

С_т_а_л_к_е_р. Могу бросить еще одну. Хотите?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Эх, начальник!

Он решительно шагает к входу в коридор, на ходу вытаскивая из кармана маленький пистолет. Сталкер прыжком нагоняет его и хватается за плечо.

С_т_а_л_к_е_р. Стойте! Что вы делаете?

П_и_с_а_т_е_л_ь. А что вы мне еще прикажете делать?

С_т_а_л_к_е_р. Отдайте.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Какого черта?

С_т_а_л_к_е_р. В Зоне нельзя с оружием! Вы погибнете! Если у вас будет оружие, вы здесь не пройдете! Никогда, ни за что!

П_и_с_а_т_е_л_ь. А если не будет?

С_т_а_л_к_е_р. А если не будет -- может быть... Я очень прошу вас -- отдайте. Ну в кого вы там будете стрелять? В судьбу?

П_и_с_а_т_е_л_ь. И то верно...

Он отдает пистолет Сталкеру, тот брезгливо берет его двумя пальцами и осторожно кладет в сторонку.

С_т_а_л_к_е_р. Ну идите же, идите, пожалуйста.

Писатель засовывает руки в карманы и, ернически посвистывая, поминутно оборачиваясь и подмигивая остекленелым от ужаса глазом, входит в коридор.

Сталкер хватается за плечо и силой оттаскивает его в сторону с полосы обугленной земли. Замерев, они слушают стук, гул, лязг и прерывающееся посвистывание, доносящиеся из коридора. Потом оттуда раздается пронзительный скрип открываемой двери.

С_т_а_л_к_е_р. Скорее! За мной!

Он бросается в коридор, и Профессор, придерживая на носу очки, бежит следом.

Насквозь пропыленная комната, заставленная старинным мебельным хламом. У входа на стене висит обросший пылью телефон. Профессор, стащив со спины рюкзак, тяжело опускается в отвратительно скрипящее ободранное кресло под телефоном. Писатель с руками в карманах, присев на край замызганного стола, усмехаясь, наблюдает за Сталкером, который всячески суетится вокруг него -- достает из полуразвалившегося комода бутылку, стакан, тщательно все это протирает, откупоривает, наливает, предлагает...

С_т_а_л_к_е_р. Ах, как все хорошо получилось -- просто чудо! Вы сядьте, сядьте поудобнее. Вон еще одно кресло. Ничего, все мы перенервничали, но теперь все позади... Выпейте, выпейте, пожалуйста, теперь можно... Прекрасный вы мой человек, как же я за вас рад! Сомневался, сомневался, какось, но вы такую проверку выдержали! Это же страшное место, самое страшное! У нас его зовут мясорубкой, но это хуже любой мясорубки! Сколько людей здесь погибло! И брат Дикобраза здесь погиб, синеглазый поэт... Такой был милый мальчишка, кто бы мог подумать! А у нас так прекрасно все получилось! Это ведь не часто, ох как не часто бывает, чтобы все дошли и все вернулись...

Писатель пьет, глядит на него. Молчит, потом вдруг взрывается.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Да что вы все юлите! Что вы суетитесь? Сядьте, смотреть на вас тошно!

Сталкер послушно садится в углу. Улыбается сконфуженно и заискивающе.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Черт бы вас побрал с вашей болтовней! Рад он, видите ли, что все хорошо получилось! Я, видите ли, ему прекрасный человек! Вы думаете, я не видел, как вы мне две длинные спички подсунули? Судьба! Зона! А сам жульничает, как последняя дешевка...

С_т_а_л_к_е_р. Нет-нет! Вы не понимаете...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Опять я не понимаю! Опять психологические бездны! (Профессору.) Вы меня извините, Профессор, я ничего плохого не хочу о вас сказать, но вот этот поганый гриб почему-то именно вас выбрал своим любимчиком, а меня, как существо второго сорта, сунул, видите ли, в мясорубку! (Сталкеру.) Да какое вы имеете право, сморчок поганый, выбирать, кому жить и кому умереть?

С_т_а_л_к_е_р. Я ничего не выбираю, поверьте! Вы сами выбрали!

П_и_с_а_т_е_л_ь. Что я сам выбрал? Одну длинную спичку из двух длинных?

С_т_а_л_к_е_р. Спички -- это пустяк, это результат! Вы сами выбрали еще там, в зале, когда отказались идти, когда требовали жребия, когда позволили идти Профессору!

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну, знаете!..

С_т_а_л_к_е_р. Я никакая не судьба, я только рука судьбы! Я никогда никого не выбираю, я всегда боюсь ошибиться. Вы не можете себе представить, как это страшно... Но кто-то же должен идти первым!

В этот момент гремит телефонный звонок. Все вздрагивают, испуганно глядят на телефон. Снова гремит звонок. Профессор и Писатель вопросительно смотрят на Сталкера. Тот явно не знает, что делать.

Профессор поднимается и берет трубку.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Да!.. Нет, это не клиника. (Он вешает трубку, медлит несколько секунд и вдруг снова берет трубку и набирает номер.)

Ж_е_н_с_к_и_й_ _г_о_л_о_с. Вас слушают.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Девятую лабораторию, пожалуйста.

Ж_е_н_с_к_и_й_ _г_о_л_о_с. Одну минуту...

М_у_ж_с_к_о_й_ _г_о_л_о_с. Слушаю.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Надеюсь, не помешал?

М_у_ж_с_к_о_й_ _г_о_л_о_с. Что тебе надо?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Всего несколько слов. Вы спрятали, я нашел. Старое здание, четвертый бункер, справа под стеной. Ты меня слышишь?

М_у_ж_с_к_о_й_ _г_о_л_о_с. Я немедленно сообщая в корпус безопасности.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Можешь. Можешь сообщать, можешь писать на меня свои доносы, можешь натравливать на меня моих же сотрудников... Только поздно. Я уже здесь. Я уже в двух шагах. Ты меня слышишь?

М_у_ж_с_к_о_й_ _г_о_л_о_с. Ты понимаешь, что это конец тебе как ученому?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Ну так радуйся!

М_у_ж_с_к_о_й_ _г_о_л_о_с. Ты понимаешь, что будет? Ты понимаешь, что произойдет, если ты осмелишься?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Только не надо меня пугать. Я всю жизнь чего-то боялся. Я даже тебя боялся. Но сейчас мне совсем не страшно! Уверю тебя!

М_у_ж_с_к_о_й_ _г_о_л_о_с. Боже мой! Ты ведь даже не Герострат... Ты... Тебе просто всегда хотелось мне нагадить, и теперь ты в восторге от того, что это тебе наконец удалось... Да ты вспомни, черт тебя подери, с чего все началось! А сейчас ты думаешь только обо мне и о себе! А как же люди, о которых мы говорили? Как же миллионы и миллионы ничего не ведающих душ? Ладно, иди, иди! Совершай свою гнусность! Но я тебе все-таки напомню. Ты -- убийца. Новые поколения придут за нами, и каждое будет тебя проклинать за то, что ты уничтожил их надежды. Сейчас тебе наплевать, сейчас ты на коне... Не смей вешать трубку! Тюрьма -- не самое страшное, что тебя ожидает. Ты сам себе никогда не простишь, и я знаю... да я просто вижу, как ты висишь над тюремной парашей на собственных подтяжках!..

Профессор бросает трубку.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Что это вы там такое затеяли, а, Профессор?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. А вы представляете себе, что будет, когда в эту комнату поверят все? И когда они все кинутся сюда... Ведь это только вопрос времени, не сегодня, так завтра... И не десятки -- тысячи! Все эти несостоявшиеся императоры, великие инквизиторы, фюреры всех мастей. Все эти благодетели рода человеческого! И не за деньгами они сюда кинутся, не за вдохновением -- мир переделывать!.. По своему отвратительному образу и подобию!

С_т_а_л_к_е_р_ (торопливо). Нет-нет! Я таких сюда не беру! Я же понимаю!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Да что вы можете знать, смешной вы человек! Да и не один вы на свете сталкер! И не все сталкеры такие, как вы! И никто из сталкеров не знает, с чем сюда приходят и с чем отсюда уходят люди, которых они ведут... Вы же сами признались, что не знаете! А уровень мотивации преступлений падает! Из-за медяка могут зарезать человека! Может быть, это ваша работа? А военные перевороты, "гориллы" у власти, мафия в правительствах -- может быть, это тоже ваши клиенты! Откуда вы можете это знать? Ослепляющие лазеры, чудовищные сверхбактерии, вся эта угрюмая мерзость, запрятанная пока в бронированных сейфах...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Да прекратите вы эту социологическую истерику! Неужели вы сами способны поверить в эти сказки?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. В страшные сказки я верю! В добрые -- нет. А в страшные -- сколько угодно!

П_и_с_а_т_е_л_ь. Бросьте, бросьте! Что такое фюрер, в конце концов? Это же всего-навсего несостоявшийся живописец, да еще импотент вдобавок... Неужели вы думаете, что, придя на терраску, он получил бы свое мировое господство? Чушь! Он получил бы прекрасную потенцию, ну и, может быть, умение малевать пейзажи лучше, чем у него получалось прежде... Не может быть у отдельного человека такой любви или такой ненависти, которые касались бы всего человечества! Хороший куш на бирже, женщина, ну месть какая-нибудь -- начальника своего под машину загнать... Это еще туда-сюда, а власть над миром! Справедливое общество! Царство божие на земле! -- это ведь не желания, это слова, идеология, лозунги...

С_т_а_л_к_е_р. Вот-вот! Правильно. Счастье -- это очень личное. Не может быть счастья за счет несчастья других...

П_и_с_а_т_е_л_ь (не слушая). Вот я совершенно ясно вижу, что вы замыслили сокрушить человечество каким-то невообразимым благодеянием. Но я совершенно спокоен! Спокоен за вас, за себя и уж тем более за человечество. Ничего у вас не выйдет. Ну, в лучшем случае получите вы свою нобелевку, а скорее всего, и нобелевки вам не будет, а будет вам что-нибудь совсем уж несообразное, о чем вы вроде бы и думать-то не думаете... Это же закон жизни! Мечтаешь об одном, а получаешь совсем-совсем другое.

Он замолкает, отдуваясь.

С_т_а_л_к_е_р (робко). Может быть, пойдем на терраску? Скоро вечер, темно будет возвращаться...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Да, пора кончать это дело.

16. ТЕРРАСКА

И вот они стоят в широком, как ворота, дверном проеме недалеко от края заросшей мхами терраски, а дальше за терраской -- залитый вечерним солнцем зеленый пейзаж Зоны, и видна бетонная плита, у которой они топтались утром.

Профессор опускает к ногам рюкзак. Писатель делает несколько шагов к терраске, но Сталкер движением руки останавливает его.

С_т_а_л_к_е_р_ (мятко). Одну минуточку, не надо так спешить.

П_и_с_а_т_е_л_ь. А я и не спешу никуда.

С_т_а_л_к_е_р. Да-да, спешить не надо. Позвольте мне сначала сказать вам несколько слов. (Прокашливается в волнении.) Друзья мои! Вы знаете, идти сюда нам было нелегко. Но мы все вели себя хорошо. Мы себя правильно вели. Именно поэтому мы благополучно миновали все опасности и теперь стоим на этом пороге. Я сделал для вас все, что я мог... все, что было в моих силах. Я очень рад за вас. Вы -- добрые, честные, хорошие люди, и я бесконечно рад, что выбрал именно вас и не ошибся в выборе. Теперь слово за вами. Я прошу вас помнить, что Зона выполнит только самое заветное ваше желание, самое искреннее, самое глубокое. Самое выстраданное. Поэтому отнеситесь к предстоящему со всей серьезностью. Не надо шутить, не надо быть грубым, вообще не надо ничего показного. Никакие слова вам не помогут. Вам ничего не надо говорить. Вам нужно просто сосредоточиться и вспоминать свою жизнь. Когда человек вспоминает свою жизнь, он становится добрее. Вам нужно быть очень добрыми сейчас. И тогда счастье, которое вы обретете, не станет источником несчастья для других. Вот и все, что я хотел вам сказать. А теперь -- идите. Кто хочет первым? Вы?

П_и_с_а_т_е_л_ь. Я? Нет. Не хочу.

С_т_а_л_к_е_р. Понимаю. Это очень непросто. Но вы не беспокойтесь, это пройдет...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Вряд ли это пройдет. Во-первых, если я стану вспоминать свою жизнь, вряд ли я стану добрее... А потом, разве вы не чувствуете, как все это срамно? Клянчить, вымаливать, сопли распускать, унижаться...

С_т_а_л_к_е_р. Ну, ведь это не надо делать сразу... Вы успокойтесь, это пройдет. Вы просто еще не готовы. Это бывает... довольно часто... (Профессору.) Может быть, вы?

Профессор сидит на корточках и расшнуровывает рюкзак. Обнажается массивный металлический цилиндр.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Господа! Перед вами новое гениальное изобретение! Прибор для измерения параметров чуда! Чудомер!

П_р_о_ф_е_с_с_о_р_ (не поднимая головы). Нет. Это атомная мина.

Пауза. Сталкер ничего не понял. Писатель думает, что это шутка.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Двадцать килотонн.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (глупо). З-зачем?

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Теперь я уже и сам не знаю -- зачем. Я могу объяснить, зачем мы ее собрали. Мы решили тогда, что Зона, если она попадет в дурные руки, способна принести человечеству неисчислимые беды. Это казалось таким очевидным... столько примеров... А потом их осенило, что Зона -- это чудо и что чудо нельзя убивать, оно неповторимо. Я не согласился, и мы поссорились. Они ее спрятали от меня... в четвертом бункере котельной. Они думали, что я не найду. А я нашел. Здесь все очень просто: надо набрать четыре цифры, и через сутки Зоны не станет...

С_т_а_л_к_е_р_ (в ужасе). Вы... вы хотите...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Ничего я не хочу. Ведь я же не идиот, не маньяк. Я же понимаю: нельзя совершать необратимые поступки. Чудо неповторимо. Мы ничего не успели узнать про Зону. Но я боюсь опоздать! Зона -- это тоже бомба -- и страшнее всех существующих... Может быть, она взорвет этот мир, и я не знаю -- когда...

Сталкер кидается к Профессору и вцепляется в мину. Профессор тоже вцепляется в мину, тогда Сталкер с визгом принимается неумело, по-бабски, его избивать, валит, царапает, пинает коленками. Профессор почти не сопротивляется. Набегает Писатель, отрывает Сталкера от Профессора, бьет его -- расчетливо, профессионально, и после каждого удара Сталкер летит на землю, но каждый раз, как заведенный, вскакивает и слепо бросается к Профессору. В конце концов Писатель скручивает Сталкеру руки и приводит его в относительную неподвижность.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ишь ты, хорек вонючий... задело-таки тебя за живое... смиренная крыса... А ну, стой смирно!

С_т_а_л_к_е_р_ (всхлипывая). Вы подумайте... Вы подумайте... Почему вы меня?... Он же хочет все это уничтожить... счастье, надежду... Он ведь и вашу надежду хочет уничтожить... Мне помогите! Мне!

Писатель отшвыривает его в угол. Сталкер оглушен. Он еле жив, но продолжает лихорадочно бормотать.

С_т_а_л_к_е_р. Ведь в этом мире у людей больше ничего не осталось... Только этот маленький родничок... Только сюда можно прийти, когда надеяться больше не на что... Неужели вы хотите этот родничок засыпать? С чем же человек тогда останется? С чем же вы тогда останетесь? Ведь вы же сами сюда пришли!..

П_и_с_а_т_е_л_ь. Молчи, лицемер! Перестань врать! Я же вижу тебя насквозь! Плевать ты хотел на человеческое счастье! Ты же себе бизнес сделал на наших надеждах! И не в деньгах даже дело... Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и бог, ты, мелкая лицемерная крыса, решаешь, кому здесь жить, а кому умереть... Ты выбираешь! Ты решаешь! Теперь я понимаю, почему ваш брат сталкер сам никогда не ходит на

терраску... Вы такие глубины нечистых ваших душ здесь услаждаете властью, тайной, авторитетом, что у вас больше и желаний не остается!..

С_т_а_л_к_е_р_ (исступленно). Нет! Это неправда! Вы ошибаетесь! Не так все это, не так! Сталкеру нельзя ходить на терраску! Сталкеру вообще нельзя приходить в Зону с корыстной целью! Он погибнет! Вы вспомните Дикобраза! (Поднимается на колени.) Вы правы, я -- маленький крысенок, я ничего не сделал в том мире и ничего не могу сделать... И счастья я не сумел дать даже жене и дочери... Друзей у меня нет и быть не может. Но моего вы у меня не отнимайте. У меня и так уже все отняли -- там, в том мире. Все мое -- здесь, в Зоне. Свобода моя -- в Зоне, счастье мое -- в Зоне... Ведь я привожу сюда людей таких же несчастных, как я, замученных, израненных. Они ни на что больше не надеются -- только на Зону! А я могу! А я могу им помочь! У меня сердце кровью обливается, когда я на них смотрю, я от счастья плакать готов, что я им могу помочь! Весь этот огромный мир не может, а я -- могу! Вот и вся моя жизнь. И я больше ничего не хочу. А когда придет мне пора умирать, я приползу сюда, на терраску, и последняя мысль моя будет -- счастье для всех! Даром! Пусть никто не уйдет обиженным!

Писатель с крихтением опускается на пол.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Ну, извините... Ну, может быть... Просто я терпеть не могу смиренных всезнаек. Но все равно -- глупо! Вы меня извините, но все, что вы сейчас говорили здесь, -- глупо. Вы просто блаженный. Вы не понимаете и не хотите понимать, что здесь делается. Почему, по-вашему, повесился Дикобраз?

С_т_а_л_к_е_р_. Он пришел в Зону с корыстной целью. Он загубил в мясорубке своего брата, чтобы получить богатство...

П_и_с_а_т_е_л_ь. Это я понимаю. Я вас спрашиваю -- почему он повесился? Почему он не пришел на терраску снова и не выпросил у нее для брата новую жизнь?

С_т_а_л_к_е_р_. Он хотел, он все время говорил об этом... Он даже пошел, но... Не знаю. Через несколько дней он повесился.

П_и_с_а_т_е_л_ь. Неужели вы не понимаете? Вы же сами нам сказали: только самые заветные желания, самые искренние, самые выстраданные... А Дикобраз -- он и есть Дикобраз. Стоял он там на терраске на коленях, кричал до хрипоты: брата-де хочу вернуть единственного, жизнь свою вспоминал, все тшилсЯ сделаться добрее. Но он не был добрым, и выстраданные желания у него были Дикобразовы: власть, деньги, роскошь... Вот вернулся он к себе в апартаменты, нашел там вместо брата еще один мешок с золотом и понял, что жить больше незачем, что он -- дрянь, мерзость, дерьмо... Не-ет, туда нам ходить нельзя. Я понимаю: ходят, лезут, как мошки на огонь, но ведь это от глупости, от недостатка воображения! Я туда не пойду. Я за этот день здорово поумнел. А профессор, умный человек, он и вовсе не собирался... Зачем это мне надо? Что у меня выстрадано? Ненависть? Гадливость? Неприятие? Как я туда полезу со своей израненной душой? Ведь одно из двух. Либо душа моя хочет покоя, тишины, безмыслия, беспамятства, забвения -- и тогда я вернусь идиотом, счастливым кретином, пускающим пузыри... Либо душа моя отмщения жаждет. И тогда мне страшно даже подумать, сколько судеб окажется на моей совести... Нет, дружище, паршиво вы в людях разбираетесь, если таких, как я, водите в Зону...

Наступает долгое молчание. Сталкер плачет.

С_т_а_л_к_е_р. Это жестоко... Это неправда... Я всю жизнь положил здесь... У меня ведь больше ничего нет... Зачем я теперь буду жить?... Я ведь не ради денег сюда приводил... и шли они сюда не ради денег... как в церковь... как к богу... (Профессору.) Профессор, скажите же что-нибудь ему! Почему вы молчите?

Профессор вздрагивает, словно очнувшись. Потом он начинает говорить, и пока он говорит, руки его как бы механически с натугой отвинчивают верхнюю часть цилиндра, приподнимают металлический колпак, обрывают тянущиеся провода и продолжают разбирать, рвать, ломать мину, разбрасывая деталь за деталью во все стороны.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Я не знаю, что ему сказать. Я не знаю, прав он или нет. Наверное, прав. Наверное, сегодняшний человек действительно не умеет использовать Зону. Она попала к нам не вовремя, как и многое другое. Как самый роскошный телевизор в пещеру к неандертальцам. Он смотрит в огромный мертвый экран и ничего в нем не видит, кроме своей волосатой рожи... Не знаю, не знаю. Я знаю только одно. Все, что вокруг нас, и мы сами, и дела рук наших -- все это не вечно. Все меняется. Все изменится. И, может быть, через века люди дорастут до Зоны и научатся извлекать из нее счастье, как научились извлекать энергию из каменного угля. Или произойдет такое потрясение на земном шаре, такая катастрофа, что у нас не останется никаких надежд на спасение, кроме Зоны. Пусть мы еще не успеем научиться пользоваться ею, но у нас будет надежда. Человек может обойтись без всего. Но надежда у него должна быть всегда.

Долго и молча сидят они на пороге комнаты. Сумерки сгущаются. Становится все темнее и темнее. Наступает тьма.

17. СНОВА КАФЕ

Они сидят за столиком в том же самом кафе, грязные, оборванные, заросшие. Они так устали, что говорят с трудом. Перед каждым кружка с остатками пива.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (допив свою кружку). Давайте еще по одной.

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. У меня больше нет денег.

П_и_с_а_т_е_л_ь_ (упавшим голосом). И у меня нет...

П_р_о_ф_е_с_с_о_р. Вы же хвастались, что у вас везде кредит.

П_и_с_а_т_е_л_ь_. Да! Везде! А в этой дыре -- нет!

Сталкер шарит в кармане, высыпает на стол несколько мелких монет пополам с мусором, двигает монетки пальцем, пересчитывая.

С_т_а_л_к_е_р. Вот. На две кружки еще хватит. А на три -- не хватает.

В кафе входит Жена Сталкера. Останавливается возле столика.

Ж_е_н_а_ (Сталкеру). Ну что ты здесь сидишь? Пошли.

С_т_а_л_к_е_р. Сейчас. Ты присядь. Присядь с нами, посиди немножко.

Она охотно присаживается, берет его руку и обводит взглядом Писателя и Профессора.

Ж_е_н_а. Вы знаете, мама была очень против. Вы теперь, наверное, поняли -- он же блаженный. Над ним вся округа смеялась, а он растяпа был, жалкий такой. Мама говорила: "Это же сталкер, это же смертник, это же вечный арестант! А дети? Ты посмотри, какие дети у сталкеров!" И знаете, я даже не спорила! Я ведь и сама это понимала: и что смертник, и что арестант, и про детей тоже... А только что я могла сделать? Я была уверена, что мне с ним будет хорошо. Я была уверена, что лучше уж горькое счастье, чем серая, унылая жизнь... А может, я все это уже потом придумала... А тогда он просто подошел ко мне и сказал: "Пойдем!" И я пошла, и никогда потом не жалела. Никогда. Горя было много, страшно было, стыдно было, больно было... А только я никогда ни о чем не жалела и никогда никому не завидовала. Просто такая судьба, такая жизнь, такие мы. И если бы не было в нашей жизни горя, то лучше бы от этого не стало. Хуже стало бы, потому что тогда и счастья бы тоже не было, и не было бы надежды... (Сталкеру.) Ну, пойдем, Мартышка там одна.

Они встают. Сталкер что-то силится сказать на прощанье. Губы его шевелятся, потом он неуклюже произносит: "Это вот мои друзья. А больше у нас пока ничего не получилось".

Они уходят. Писатель и Профессор смотрят им вслед.

(С) Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, текст, 1977

Предлагаемые читателю тексты произведений являются, так сказать, "каноническими" или, если угодно, "эталонными".

Борис Стругацкий

www.rusf.ru/abs/ -- Страница братьев Стругацких

Редактор: Владимир Борисов, bvi@rusf.ru

Корректор: Владимир Дьяконов, stodger@newmail.ru

Файл подготовлен 24 мая 2003 г.